

Разности, содержащіяся въ послѣднемъ столбцѣ этой таблицы, дѣйствительно показываютъ, что вычисленныя по принятой мною интерполяціи температуры для зимнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ выше, а для лѣтнихъ и осеннихъ ниже дѣйствительныхъ, если за дѣйствительныя температуры принимать тѣ, которыя получаются посредствомъ формулы. Но, во-первыхъ, эти разности вообще (относительно) очень малы, а, во-вторыхъ, онѣ не выражаютъ еще точнымъ образомъ разностей между дѣйствительными и вычисленными температурами, потому-что между дѣйствительными и вычисленными температурами стараго стиля также имѣютъ мѣсто (вообще) не меньшія разности. Кромѣ того, эти разности, какъ видно изъ послѣдняго горизонтальнаго столбца таблицы, не имѣютъ никакого вліянія на годовичную температуру.

Сказаннаго мною, думаю, очень-достаточно для убѣжденія г. рецензента моей книги въ томъ, что невыгодный для меня приговоръ, произнесенный имъ о первомъ отдѣлѣ труда моего, не имѣетъ тверлаго основанія, и что всѣ таблицы, выведенныя мною на основаніи таблицы I, имѣютъ болѣе или менѣе то значеніе, которое я имъ приписываю; слѣдовательно, результаты, представляемыя ими, нельзя объяснять одною неточностію моей интерполяціи, какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ слѣзано въ рецензіи на мою книгу. Предѣлы письма не позволяютъ мнѣ распространяться о другихъ упрекахъ и замѣчаніяхъ, дѣлаемыхъ мнѣ г-мъ рецензентомъ (*). Мнѣ остается только поблагодарить его за доставленіе случая—объяснить главный вопросъ не только ему,

но и многимъ другимъ читателямъ моей книги, которые дѣлали мнѣ словесно подобныя же возраженія противъ принятаго мною способа интерполяціи. Исполняя эту пріятную для меня обязанность, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствую моему рецензенту искреннюю благодарность за вниманіе, съ которымъ онъ разсмотрѣлъ мое сочиненіе и за то безпристрастіе, съ которымъ онъ отдаетъ предъ публикою должную справедливость остальной части труда моего.

Имѣю честь быть, и проч.

М. Спасскій.

Москва, 23 февраля.
1848.

ОЧЕРКЪ ДЕМОНОЛОГІИ КРЕСТЬЯНЪ ШЕНКУРСКАГО-УѢЗДА.

Крестьяне здѣшняго уѣзда вообще весьма суевѣрны; тѣ же изъ нихъ, которые живутъ въ отдаленіи отъ почтовыхъ трактовъ, еще болѣе вѣрятъ проказамъ нечистой силы, которую большая часть крестьянъ называетъ *непріятной силой*.

Изъ воображаемыхъ героевъ этой *непріятной силы* примѣчательнѣе прочихъ: дворовый, лѣсной и водяной; вѣдьмъ и русалокъ здѣсь не знаютъ, но за то означенные три представителя здѣшней *непріятной силы*, болѣе или менѣе разнообразными качествами, приписываемыми имъ, почти вполнѣ замѣняютъ послѣднихъ.

Пропу прощенія читателя въ небольшомъ отступленіи. Какъ жалки крестьяне въ своемъ упорномъ невѣжествѣ, крестьяне, въ другихъ отношеніяхъ умные, сметливые; тѣмъ болѣе они достойны жалости, что предположенія свои относительно существованія и проказъ *непріятной силы*, основываютъ на словахъ св. писа-

(*) Г. Спасскій назначалъ свои «Замѣчанія» для 3-й книжки нашего журнала, и, можетъ-быть, спѣша отправить ихъ къ намъ, не коснулся другихъ вопросовъ; но статья его доставлена въ Редакцію «Отѣч. Записокъ» поздно и могла быть напечатана только въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ.

нія, и если вы вздумаете разувѣрять ихъ въ томъ, что они ложно понимаютъ высокія истины Евангелія, они рѣшительно не повѣрятъ вамъ и главнымъ защитникомъ своихъ глупыхъ вѣрованій представятъ какого-нибудь деревенскаго грамотѣя, который, бѣгло читая церковныя книги, нерѣдко отпразднуетъ должность приходскаго чтеца.

Это — одна причина ложныхъ его вѣрованій; другая, не менѣ важная, по-моему, та, что крестьянинъ, бывъ мальчикомъ, свыкается съ мыслію о существованіи сильныхъ, нечеловѣческихъ силъ, помогающихъ крестьянину-отступнику въ его нуждахъ, силъ, о которой даже родители его (образецъ и примѣръ всего для ребенка) говорятъ съ увѣренностію и страхомъ. Пужно ли прибавлять здѣсь, какъ чутко ухо ребенка ко всему, что говорятъ при немъ, и если придать къ этому открытую настроенность дѣтской души, неопытную, мягкую воспримчивость всего чудеснаго, то выйдетъ, что крестьянинъ начинаетъ запутываться въ этой сѣти чуть ли еще не въ зыбкѣ. Кто жъ тутъ виновать?

Однажды вздумалъ я увѣрить крестьянина въ томъ, что земля есть шаръ, и что она обращается на своей оси. После многихъ съ его стороны вопросовъ, разрѣшенныхъ мною на-прим., о томъ: «почему, при всенеднемъ обращеніи земли на своей оси, вѣтеръ дуетъ постоянно съ одной и той же стороны, положимъ, съ сѣверной нерѣдко по цѣлой недѣлѣ, и почему иглока въ маткѣ (*), при ежедневномъ обраще-

ніи земли, не перемѣняетъ своего положенія?» Миѣ наконецъ удалось увѣрить его въ моей теоріи. Желая увѣрить того же крестьянина въ ложности его миѣній относительно нечистой силы, я напрасно употреблялъ всевозможныя доказательства, напрасно утверждалъ, что подобные предрассудки противны религіи, и потому уже грѣшны, — онъ былъ непобѣдимъ. На послѣднюю попытку мою онъ сказалъ: «я дивуюсь, ваше благородіе, вы знаете танія хитрости объ нашей землѣ, а не знаете того, что всякому мужику извѣстно съ малолѣтства!»

Свѣдѣнія, почерпнутыя ими изъ глупыхъ словъ какого-нибудь доморощеннаго грамотѣя, они стараются распространить между собою: отсюда многое множество анекдотовъ, которыми все вѣрятъ, начиная съ рассказчика до послѣдняго слушателя. Все это сказано съ тою цѣлію, чтобъ показать читателю, до какой степени здѣшніе крестьяне утвердились на своихъ предрассудкахъ, и какъ трудно разувѣрить ихъ въ ложныхъ понятіяхъ.

Обращаюсь къ предмету статьи.

Прежде, чѣмъ стану описывать *дворовую*, скажу нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ крестьяне знакомятся съ нимъ, т. е. какія средства употребляютъ для того, чтобъ заслужить его знакомство и милость. Крестьянинъ, желающій пользоваться помощью *двороваго*, разумеется, прежде всего, долженъ его увидѣть; для этого знахарисовѣтуютъ ему стараться какъ можно-скорѣе, даже, если можно, первому получить отъ священника по окончаніи заутрени на св. Пасху красное яйцо; свѣчку, которую онъ будетъ держать въ рукахъ въ-продолженіе службы, по окончаніи оной велятъ унести домой, вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ.

Если оба эти условія выполнены, т. е. яйцо и свѣчка унесены мужикомъ

значительная тяжесть бумаги въ намагниченныхъ иглокахъ не производитъ почти никакого колебанія: это очень-удобно для крестьянъ-охотниковъ.

А. Х.

(1) *Матка* — компасъ очень-малаго объема; *иглока* въ маткѣ — двѣ намагниченныя иглы, приклеенныя къ листу бумаги, на лицевой сторонѣ которой означены положенія странъ свѣта; иглы тупыми концами упираются въ мѣдную шляпку, вставленную въ средину бумаги, которою, шляпкой, бумага надѣвается на стальной шпенецъ, воткнутый въ центръ два коробки; очевидно, что сѣверный конецъ иглы обращаетъ бумагу съ условнымъ знакомъ N къ сѣверу. Довольно-

въ свою избу, ему остается только ночью, до пѣтуховъ, взять въ одну руку зажженную свѣчу, а въ другую красное яицо и, ставъ предъ отворенной дверью хлѣва, сказать слѣдующія слова: «дядя дворовый, приходи ко мнѣ, не зеленъ, какъ дубравный листъ, не синь, какъ рѣчной валъ, приходи такимъ, каковъ я: — я тебѣ христовское яичко дамъ!». Послѣ этихъ словъ, какъ утверждаютъ истые суевѣры, изъ хлѣва выйдетъ мужикъ въ такомъ же *лопотѣ*, какъ и спрашивающій, наружность, приемы его будутъ совершенно такіе же, какъ и у спрашивающаго: однимъ словомъ, къ нему придетъ домовый предупредительный, услужливый для перваго знакомства, въ образѣ его двойника.

Тутъ начинается сцена условій.

Въ замѣнъ всѣхъ требованій крестьянина, домовый требуетъ отъ него одной только тайны ихъ свиданія и знакомства: чтобы ни въ сонной грезѣ, ни въ пьяномъ видѣ, ни отцу, ни матери, ни попу не говорилъ онъ объ этомъ свиданіи. Если крестьянинъ не выполнитъ этого условія, предупредительный домовый сожжетъ избу, переведетъ весь скотъ у мужика и, наконецъ, доведетъ до такого отчаянія крестьянина-обманщика, что онъ самъ «наложитъ на себя руки», т. е. застрѣлится, зарѣжется или удушится.

Это условіе, предварительно сказанное знахаремъ, спасаетъ многихъ суевѣрныхъ крестьянъ отъ грѣшныхъ и нечѣстныхъ искательствъ.

«Есть трава на земли св. Глава, растетъ по раменскимъ (?) мѣстамъ кустиками, высотой въ пядь, цвѣтъ багрянъ и рудожелтъ; расцвѣтаетъ вѣли хорошо, что *кукишницы*, всякимъ видомъ

. а коли хошь діавола видѣть, или еретика (2), корень этой травы освяти св. водою, послѣ возьми и носи при себѣ и узриши водяныхъ, воздушныхъ и домовыхъ.»

Есть еще способы, которые, благодаря таинственности здѣшнихъ колдуновъ, неизвѣстны крестьянамъ и которые, къ несчастію, сопряжены съ такимъ фанатическимъ отверженіемъ всего святаго, что даже самый отчаянный атеистъ заткнетъ уши, чтобы не слышать этихъ страшныхъ заклинаній. Теперь, благодаря распорядительности мудраго правительства, послѣ учрежденія приходскихъ училищъ, прежніе предрасудки мало-по-малу исчезаютъ; но это дѣло времени.

Постараюсь описать здѣшняго домового такимъ, какимъ представляютъ себѣ его наши колдуны. Разборчивость во вкусахъ, вотъ одна изъ отличительныхъ чертъ здѣшнихъ домовыхъ. Если домовому не понравится черный цвѣтъ, то хозяинъ дома напрасно будетъ заводить черныхъ коровъ, барановъ: разборчивый домовый переморитъ весь скотъ, имѣющій цвѣтъ шерсти, ему противный; крестьяне, покупающіе для домашнихъ нуждъ скота и птицъ, принуждены подчинять себя этимъ воображаемымъ причудамъ домового. Если кто-либо изъ крестьянъ имѣетъ случай продать корову выгодному покупателю-сосѣду, онъ прежде сообразуется съ положеніемъ домового того дома, въ который продаетъ, къ цвѣту шерсти продаваемой коровы (подобныя склонности домового онъ узнаетъ отъ старухъ); если цвѣтъ шерсти продаваемой скотины домовому покупателю любъ, дѣло слажено и продавецъ въ барышахъ; въ противномъ случаѣ, онъ, сознавая всю справедливость этого повѣрья, отправляется къ другому, менѣе выгодному покупателю. Цвѣтъ шерсти, противный домовому, здѣсь зовутъ *цвѣтомъ не по двору*; цвѣтъ же пріятный ему, называютъ *любимъ*.

Крестьянинъ купилъ на ярмаркѣ вороную лошадь; лошадь была нездорова; чрезъ мѣсяцъ она околѣла; случай привелъ вмѣстѣ съ лошадью околѣть и черной коровѣ; крестьянинъ, твердо увѣренный, что это проказы домового, спѣшитъ задешево распродать чер-

(2) См. ниже, описаніе еретика. А. Х.

ныхъ барановъ, куръ и пр., боясь повторенiя тѣхъ же странныхъ для него лишенiй.

Здѣшнiй домовой живетъ семейнымъ; о женѣ его крестьяне ничего не знаютъ, дочерей же его воображенiе ихъ надѣлило всѣми возможными прелестями. Онѣ вѣчно юны. Дочь домогаго живетъ въ состоянiи ребенка до-тѣхъ-поръ, пока отецъ ея не войдетъ въ сношенiя съ человѣкомъ; дождавшись этого, она получаетъ возможность любить человѣка; эта возможность усиливается и обращается въ страсть слѣпую, безусловную; но предметомъ страсти ея можетъ быть только человѣкъ, живущiй подъ одною крышею съ знакомцемъ отца ея. Если знакомецъ этотъ, т. е. крестьянинъ, дружный съ домовымъ, живетъ *одинкомъ*, тогда дочь домогаго по-прежнему будетъ ребенкомъ; если же съ нимъ живетъ кто-либо изъ родныхъ его: племянникъ, внукъ или др., то на него обрушится вся бѣда: если онъ будетъ такъ слабъ, что голубые глаза чародѣйки очаруютъ его и онъ бросится на роскошную грудь ея, тогда онъ погибъ: но лучше я поясню это примѣромъ.

Живетъ въ деревнѣ мужикъ-вдовецъ, самъ-другъ съ сыномъ: и хозяинъ бы, кажись, тароватъ, и дома бы хорошо, да одно худо: знается, старый, съ не-прiятной силой, слыветъ за колдуна, вѣдуна. У кого пропадетъ корова, лошадь, обокрадутъ ли кого, — всякъ идетъ къ дядѣ Якову съ поклономъ: отговорить неминуемую, поставить на слѣдъ въ покражѣ; Яковъ побираетъ съ мужичковъ и живетъ весело. Сынъ у Якова уже работникъ: навалитъ бревно въ зимнюю пору, съѣздитъ за сѣномъ, срубить въ день комлей десятковъ семь смолья считаетъ онъ бездѣлицей; да и самъ онъ мужикъ осанистый, плечистый, ростомъ отца назади оставилъ, въ лицѣ кровь да молоко, а зовутъ его Савельемъ. Забродила у него на умѣ Анна, дочь денежнаго сосѣда Оомы, дѣвка статная, *тончiвая*

(тонкая), глаза голубые и косы до икры.

Призѣрила дѣвка Савелья, да такъ призарила, что въ тѣ же пору, хотъ камень на шею да въ воду; и сватовъ *позасылалъ* онъ къ отцу Анны, и самъ-то плакался ей: «пойди, да пойди за меня: тебѣ хуже не будетъ!». Нѣтъ: дѣвка шутитъ, хохочетъ, а пути нѣтъ; и къ знахаршамъ-то ходилъ, что въ недѣлю пересватываютъ свадьбы, за *присущными* зельями, — ничто не беретъ: по-прежнему, передъ нимъ какъ свѣча горятъ два голубые глаза дѣвки-сосѣдки, и вся она, какъ птица, носится надъ нимъ, а взять нѣчего.

Однимъ днемъ обѣдаетъ старикъ Яковъ съ сыномъ Савельемъ, на дворѣ рѣзкій вѣтеръ *пондеитъ* мелкiй снѣгъ; дядя Яковъ, кончивъ обѣдъ, обращается къ сыну:

— А что, Савка, пошелъ бы ты, да накололъ ношу, другую дровъ: заутрѣ огрѣть избы нѣчѣмъ!

Пошелъ Савелiй по подоконю искать кряжей; нѣсколько разъ брякнулъ объ дрова топоръ и все смолкло; глядитъ Яковъ въ окно, а сынъ стоитъ, опустивъ руки и голову и топоръ глубоко утѣпленъ въ древесину.

— Савка! Съ этой поры прибился, руби, говорятъ!

Парень снова тюкнулъ разъ подлесятокъ и опять все смолкло, а онъ, бѣдный, наклонилъ голову; думаетъ думку: мучить душу его дочь сосѣда, Анна.

— Да, вишь, мы бѣдны, говорятъ, отдають ее въ утряхъ за Фрола, онъ богатъ, говорятъ! пробормоталъ Савелiй, опять замолчалъ, а топоръ въ старомъ *шапу* утѣпленъ и не вынуть.

Встрепенулъ Савелiй, наскоро поправилъ шапку; прежде тусклые глаза его заблестѣли и лицо, недавно пасмурное, прояснилось радостью: онъ увидѣлъ дочь денежнаго сосѣда — Анну.

— Всю ночь грезился ты мнѣ, Савелiй, тошно мнѣ идти за стараго Фрола; побѣги завтра около ночи въ ста-

нокъ, что на Нюнѣтъ (3), я прійду, а теперь недосугъ, прости!

На другой день, послѣ полдня, Савелій говоритъ отцу:

— Батюшка, морды по Нюнѣтъ давно не смотрѣны, пойдти сегодня, не попадетъ ли рыбъ на варю?

— Пойди, не то, посмотри, да *трутоношу* (4) захвати: не узнаешь, что почему поидеть, бывать и обночусь-ся!

Недолго снаряжался Савелій: за пазуху сунулъ *трутоношу* и ломоть хлѣба, на голову шапку и—пошелъ. Пришелъ въ станокъ, не знаетъ, какъ день скоротать: сходитъ подеретъ на лапти бересты, дровъ приброститъ въ очагъ, а ея все нѣтъ! Наконецъ, когда уже примѣтно стемнѣло, Савелій уснулъ; въ очагъ потухъ огонь и только синее пламя инде скакало изъ угольевъ. Дверь безъ шума отворилась и явилась она, желанная.

Онъ пробудился отъ легкаго прикосновенія, пробудился—и передъ нимъ голубокая красота сѣвера сверкаетъ, распаленная безстыдствомъ вакханки; ненасытимый, глядитъ онъ на эту русую косу до икры, любитъ сокрушительнымъ блескомъ очей, его заранѣе обдастъ жаркимъ паромъ дѣвической груди, а карминъ весеннихъ устъ ея такъ и проситъ поцалуя. Онъ стиснулъ зубы, крѣпко сжалъ пальцами горячую свою голову: онъ чуть не обезумѣлъ отъ одного взгляда на эту красоту. По привычкѣ, онъ шепчетъ молитву: видѣніе исчезаетъ и онъ опять одинъ, въ прокопѣвшемъ дымомъ станкѣ, съ ужасомъ прислушивается къ отдаленному хохоту незваной сестрѣ Анны, а большое сердце тоскуетъ: отъ него оторвали что-то, безъ чего оно—сирота!

(3) Незначительная рѣчка въ Шенкурскомъ-Уѣздѣ, одинъ изъ притоковъ Ваги.
А. Х.

(4) *Трутоноша*, нач. *трутъ*, кожаная сумочка, въ которой носятъ мужики огниво и *трутъ*, для разведенія огня, отправляясь изъ дома на-долго. Въ просторѣчій *трудоноша*.
А. Х.

Спѣшу прекратить мой трескучій, риторическій рассказъ, боясь утомить вниманіе читающаго, который, конечно, ищетъ въ статьѣ не набора словъ, а дѣла коротко и ясно изложеннаго.

Если мужикъ, или Савелій до того слабъ, что не на шутку полюбилъ эту гостью, въ которой, вѣроятно, уже всѣ узнали дочь домового, то она старается поддержать эту страсть, являясь ему во снѣ; опутывая такимъ образомъ любовника, она наконецъ является ему явно и тогда уже начинается между ними страшная для всѣхъ мужиковъ связь. Ненасытимая, она ревнива въ высшей степени; для нея страсть не гаснетъ; она въ любви къ нему постоянна. Она проситъ и умоляетъ у него тайны ихъ сношеній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она — страшный, неотступный его соглядатай; гдѣ бъ ни былъ онъ: въ гостяхъ ли, въ церкви ли, она постоянно съ нимъ, невидимая никому.

Если мужикъ, наскуча этой страшной любовью, броситъ ее, она отомститъ ему: любовника, измѣнившаго ей, она такъ очаруетъ, являясь къ нему во снѣ, что онъ, тоскуя по ней, послѣ мучительнаго мѣсяца одиночества *ошалѣетъ*, т. е. сойдетъ съ ума; если же онъ кому либо скажетъ про свои связи съ нею, она доведетъ его до крайняго несчастія: онъ будетъ *трусъ-самоубійцею* (самоубійца).

Если же мужикъ до того твердъ, что въ состояніи противиться прельщеніямъ чародѣйки, то, разумѣется, она страдаетъ и ищетъ себѣ друга уже между лѣшми. Я ничего не слыхалъ про плодъ, который долженъ произойти отъ сожитія мужика съ дочерью домового.

Кромѣ прежде описанныхъ качествъ домового, долженъ упомянуть я о необыкновенной, всепоглощающей дѣятельности его. Предавшись мужику въ нижайшіе рабы, онъ ежечасно требуетъ отъ него работы; когда тотъ, по необходимости, долженъ будетъ отказать ему въ этомъ, онъ, домовый, немудимо слѣдитъ за нимъ, въ ожиданіи получить отъ него какое-либо дѣло, и,

собственно для того, чтобъ наблюдать за молчаніемъ своего господина, то есть, за тѣмъ, чтобъ тотъ не открылъ кому-либо сношеній своихъ съ нимъ.

Если мужичекъ-колдунъ захочетъ выпить съ собратами штофъ-другой вина, онъ, заранѣе, удаляетъ отъ себя домового, какъ опаснаго и скучнаго, но тайнаго свидѣтеля, занявъ его какою-либо нечеловѣческой работой: «свей изъ песка веревку, аршина въ два длины и принеси въ избу», или: «поставь листовницу вершковъ девяти вершиною въ землю, а комлемъ въ верхъ» и пр. Докучливый и опасный домовый удаленъ и мужикъ беззаботно пьетъ и веселится, не боясь ужаснаго надсмотрщика. Трудолюбивый домовый, изъ охоты услужить своему повелителю, не броситъ этой работы по крайней-мѣрѣ въ-продолженіе трехъ дней, и тогда уже, видя совершенную невозможность окончанія дѣла, онъ, съ повинною, идетъ къ мужику и снова проситъ дѣла: мужикъ разсыпаетъ по всему двору (дворъ здѣшняго мужика, это — мѣсиво грязи) своему рѣшета три льянаго, или коноплянаго сѣмени; — старикъ-домовой подбираетъ все это до послѣдняго сѣмечка включительно и мужикъ снова свободенъ въ дѣйствіяхъ и разговорахъ.

Крестьянинъ, подружившійся съ домовымъ, постоянно скученъ, таинственъ въ своихъ дѣйствіяхъ; между-тѣмъ, удачи за удачами мужику: сосѣди на базарахъ продаютъ муку свою вдвое дешевле противъ него; сосѣди въ-продолженіи двухъ недѣль наловятъ рыбы въ *мѣрды* (5) съ полпуда; крестьянинъ, дружный съ домовымъ, это же количество достанетъ въ день. Самыя стихіи гораздо благосклоннѣе къ этому мужику, чѣмъ къ его собратамъ: у сосѣдей расцвѣтшая рожь побита градомъ, рожь на его полосѣ спокойно цвѣтетъ, помавая колосьями по вѣтру.

Теперь скажу нѣсколько словъ о лѣшмѣ.

Крестьянинъ, желающій снискать милость лѣшаго, долженъ въ ночь предъ ивановымъ днемъ отправиться въ лѣсъ и, найдя осину, срубить ее такъ, чтобъ она вершиною упала на восточную сторону; на пнѣ срубленной осины, ставъ лицомъ на востокъ, онъ долженъ нагнуться и, глядя въ отверстіе, образовавшееся межъ ногами, говорить слѣдующее: «дядя лѣшій, покажись, не сѣрымъ волкомъ, не чернымъ ворономъ, не елью жаровою: покажись такимъ, каковъ я!»

Послѣ этого около мужика зашеле-стятъ, какъ отъ легкаго вѣтра, листья осины и лѣшій, въ образѣ мужика, является на призывъ (6). За тѣмъ слѣдуютъ сдѣлки: этотъ, болѣе възыска-тельный, чѣмъ домовый, требуетъ за свои услуги душу мужика по его смерти; онъ не требуетъ, подобно домовому, хранить въ тайнѣ ихъ знакомство, но не позволяетъ ему и хвастать его услугами предъ своими собратами.

Подружась съ мужикомъ, онъ даетъ ему заклатіе дѣлать все, что онъ въ состояніи сдѣлать по приказанію мужика: «нагнать ли тебѣ стада лисицъ, куницъ, заставъ и — готово; украсть ли у недруга въ лѣсу доро-гу, — собью съ пути, и онъ погинетъ подъ *выскорью*; показаться ли тебѣ елью мохнатою, или разлечься бѣлымъ мохомъ по землѣ, навести ли тебя на стада лѣсныхъ птицъ, — все я сдѣлаю для тебя, только не хвастай моимъ умѣньемъ, не кажи меня твоимъ товарищамъ; если ты меня и при товарищахъ позовешь, я приѣду, а послѣ тебѣ спасибо не дамъ: *наведетъ волюшка на неволю!*» Вотъ все, или почти все, что лѣшій въ состояніи сдѣлать для мужика, предавашагося ему.

(6) Снова повторяю сказанное: есть много средствъ для снисканія дружбы «непріятной силы», но они отвратительны и ужасны.

(5) Мѣшокъ изъ ивовыхъ вѣтвей для ловли рыбы.

Здѣшній лѣшій, какъ говорятъ, живетъ почти такъ же, какъ и мужики въ селахъ; если онъ, ходя по лѣсу, до темна захочетъ спать, то онъ спокойно отправляется въ *станокъ* (лѣсная избушка) и ночуетъ тамъ. Въ здѣшнихъ лѣсахъ нерѣдко на разстояніи 25, 30 квадратныхъ верстъ, господствуютъ два, три лѣшнихъ; каждый изъ нихъ занимаетъ какую-либо избушку и живетъ, не зазнаваясь предъ товарищами. Слыхалъ я отъ многихъ, что наши сѣверные лѣшіе не прочь иногда и гульнуть: объ этомъ напоминаютъ оставшіяся въ памяти народа названія нѣкоторыхъ изъ лѣсныхъ избушекъ; такъ *изба подъ кружаломъ, изба подъ кабачкомъ*. На вопросъ мой: откуда эти названія? одинъ старожилъ отвѣчалъ: «да не знаю, батюшка, правда ли, нѣтъ ли, а толкуютъ, что тутъ извѣковъ былъ кабакъ, да не нашъ, а кабакъ для непріятной силы, для лѣшнихъ; здѣсь они пировали свои поганья свадьбы, здѣсь и кумились и братались; кабы покойникъ отецъ живъ былъ, онъ бы все расказалъ тебѣ, а я и не такъ, чтобы вовсе старъ: съ петрова-поста на восьмой (десятокъ) пошло, да, поди ты, память заорало, что будешь?»

— Ты говоришь, что постомъ ты вступилъ на восьмой десятокъ, и при всемъ томъ, не хочешь назваться старикомъ!

— Какая это старость, семьдесятъ годовъ: покойный дѣдъ мой девяносто лѣтъ въ пору санныя завертки завертывалъ; санные полозья гнулъ до той поры, пока не отемнѣлъ (ослѣпъ). Да нынче, баринъ, все стало не по старому: и лѣсъ-то прежде былъ крѣпче; посмотри, дѣдъ Якова оставилъ избу лѣтъ тридцать тому, я и на окладинахъ былъ, — и теперь стоитъ, какъ новая, а у Семена въ концѣ (деревни) четыре года, какъ поставлена, а всѣ углы огнили; да что говорить, ребята, и камень-то хилѣе стараго сталъ: прежде камень въ банѣ складешь, — два года лежитъ крѣпкая, а теперь попробуй — склады, и полугода не проле-

житъ. Охъ, ребята, не тѣ времена пошли, Богъ видитъ, не тѣ! Хоть про рыбу скажу: прежде, вотъ Степанъ живъ, не дастъ совратъ, прежде Юнега-матушка, что день, то пудъ рыбы даетъ, а теперь, сказывай, ребята, много ли надобывано, а?

А знаете ли вы, что такое свадьба лѣшнихъ? Здѣшніе лѣшіе празднуютъ свадьбы свои шумно, разгульно (7). Если вы увидите въ лѣсу полосу вырванныхъ съ корнями деревьевъ, непроходимую отъ множества валежника, знайте, что на этомъ мѣстѣ была свадьба лѣшаго съ лѣшухой. Ни одинъ мужикъ не осмѣлится лечь въ лѣтнюю пору, для отдыха, на лѣсной дорогѣ: онъ побоится случая лѣсной свадьбы; если онъ, лежа на дорогѣ, будетъ препятствіемъ этому веселому поѣзду, то его уходить будущій счастливецъ-женыхъ, или онъ будетъ растоптанъ. Ударъ грома во время свадьбы превращаетъ всю честную компанію лѣшнихъ и лѣшухъ въ россомахъ, отъ-того этого звѣря здѣсь считаютъ проклятымъ. Плодъ, происшедшій отъ соитія этой четы (лѣшаго и лѣшухи), какое-то чудище, имѣющее человѣческій видъ; обжорливость и безобразіе, вотъ главныя качества новорожденного. Родители младенца-лѣшаго употребляютъ всѣ средства къ тому, чтобы подмѣнить этимъ ребенкомъ какого-либо христіанскаго младенца, еще не крещеннаго: надъ крещенымъ они не имѣютъ власти. Если имъ это удастся, они будутъ воспитывать украденнаго, какъ своего и въ-послѣдствіи онъ будетъ такимъ же лѣшимъ; тотъ же, котораго они покинули на чужихъ рукахъ, будетъ жить, ѣсть, спать и — только. Онъ не обнаружитъ до одиннадцати лѣтъ никакихъ признаковъ разума; никакой работы, сколько-нибудь требующей разумнѣя, сметки, онъ не въ состояніи сдѣлать; между-

(7) Я не могъ развѣдать отъ крестьянъ подробностей объ этихъ свадьбахъ; вѣроятно, повѣрье это потеряно между нами.
А. Х.

прочимъ, онъ силѣнъ, какъ конь: онъ держитъ двадцать пять пудовъ, какъ мы десять фунтовъ. Въ народѣ зовутъ его обѣнгомъ, обѣненнымъ, усиломъ (8). Я сказалъ, что до одиннадцати лѣтъ въ немъ не видно ничего человѣческаго, кромѣ наружности; послѣ этого времени онъ скрывается: онъ убѣгаетъ въ лѣса къ родителямъ; воспитатели же его богатѣютъ: благодарный *усилокъ-обѣннъ* по-временамъ приносить имъ кошелі звонкихъ рублей. Мужикъ въ синемъ армякѣ, лѣвая пола на верху (9), на головѣ плисовая съ бѣлковымъ околышемъ шапка, строченыя рукавицы и сапоги устюжскіе съ выпуклыми закаблучьями, на которыхъ хитро-прехитро прострочены всякіе узоры—вотъ онъ, ихъ воспитанникъ; узнаете ли вы его, въ этомъ нарядѣ, его, котораго недавно всѣ отъ мала до велика въ деревнѣ называли пухлымъ налимомъ и обѣздой суконъ.

Лѣшій по природѣ золь; онъ, въ противность домовому, любитъ смотрѣть на несчастія людей; онъ любитъ ни съ того, ни съ сего пошутить надъ человѣкомъ, т. е. любитъ заставить его походить лишнихъ часовъ семь по лѣсу, отыскивая дорогу; для этого онъ пускается на всякія уловки. Онъ на-примѣръ, превращается въ сосну, ель, и при этомъ превращеніи принимаетъ ненатуральное положеніе въ отношеніи къ странамъ свѣта (10); за-

блудившійся смотритъ на дерево, повѣряетъ себя, оглядывается на прочія деревья: впереди его ель, съ сѣверной стороны и сучковъ, почитай, нѣтъ, а кора, какъ войлокомъ, обтянута съ сѣвера мохнатой *шастой* (мохъ на корѣ ели); зайдетъ къ ели съ другой стороны, съ южной,—кора гладка, какъ бумага и сучья шатромъ свѣсились къ землѣ. «Что за причина?» думаетъ мужикъ: «шелъ я, кажись, ладно на сѣверъ, а теперь, посмотрѣлъ по ели, сѣверъ назади остался; дай, пойду куда гласитъ дерево,» и продолжаетъ кружиться около одного мѣста, а лѣшій, вдоволь натѣшившись надъ мужикомъ, отправляется во свояси, хоча во все горло.

Два охотника-промышленника, съ наступленіемъ вечера, приходятъ въ *станокъ* перемокшіе, озябшіе; они едва въ состояніи добыть изъ кремня огонь, для отопленія избы. Одинъ изъ нихъ кладетъ въ *каменку* сухія дрова, держа въ зубахъ зажженую лучину и дрожа всѣмъ тѣломъ. Огонь пылаетъ въ каменкѣ, горшокъ съ водою, въ который брошено нѣсколько лчменныхъ крупъ и насыпано толокно, началъ закипать, и мужики, обогрѣвшіеся, сидятъ, и, весело поговаривая, снимаютъ икурки съ бѣлокъ, которыхъ они настрѣляли въ-продолженіе коротенькаго осенняго дня; *обсыманныя* бѣлокъ они кидаютъ собакамъ и тѣ съ жадностію поглощаютъ эти лакомые куски.

Одного изъ мужиковъ я назову хотя Васильемъ, другой пусть будетъ Петръ. Петръ пошелъ изъ избы съ котелкомъ къ рѣкѣ зачерпнуть воды и увидѣлъ у порога избы, освѣщенной мѣсяцемъ, полный штофъ вина: «эй, Василій, слышь, Василій, поди, гово-

(8) *Усилонъ* — имѣющій необыкновенную силу, силачъ. *Обѣннъ* — подѣвленный, обѣненный — употребляется въ народѣ, какъ брань.

(9) Здѣсь говорятъ, что лѣшій, домовый и водяной, принявъ на себя образъ чело-вѣка, отличаются отъ него тѣмъ только, что, вопреки крещеному люду, носятъ армяки, сукманники, шубы и полушубки, запахивая ихъ лѣвою полою па верхъ; шепчатую силу потому и знаютъ.

(10) Мужики, промышляющіе въ лѣш-ныхъ безконечныхъ лѣсахъ, ходятъ безъ компасовъ, нѣкоторые же изъ нихъ, на-чинающіе, носятъ съ собой компасы; пер-вые узнаютъ положеніе странъ свѣта по

извѣстнымъ имъ примѣтамъ: сосна, на-примѣръ, съ сѣверной стороны имѣетъ сучья рѣдкіе и короткіе, тогда-какъ съ южной они часты и длинны; ель съ сѣверной стороны имѣетъ на корѣ мохъ, защищающій древесину отъ жестокихъ сѣверныхъ вѣтровъ, и проч.

рять» закричалъ онъ, отворяя дверь избушки: «глухой, не слышитъ! Смотри, я подымаю штофъ: обронилъ кто-то, да не знаю, вино ли; посмѣйайко, я, той порой, сбѣгаю къ рѣкѣ.

Прошло немного времени. Въ холодной избѣ мужички весело поговариваютъ, между разговорами они попѣваютъ пѣсни; изъ полнаго штофа половина убыла; они продолжаютъ подноситься, вино убываетъ примѣтно; мужички уже почти пьяны. Дымникъ запертъ (закрытъ); въ избѣ тепло, какъ въ банѣ; всѣ спать, только иногда еловый уголь, съ трескомъ выпрыгнуть изъ глѣющей каменки, прерветъ тишину. Уголья погасли, въ дымной избушкѣ совершенная темнота. Проглянулъ мѣсяцъ и маленькое оконце въ станкѣ отпечаталось на полу свѣтлой рѣшеткой. Вѣтерокъ потянулъ съ болота и Нюнега заплескался.

Въ освѣщенное оконце кто-то сильно стукнулъ костлявымъ пальцемъ, собаки охотниковъ подняли морды и заворчали, мужики проснулись. Въ стекло еще нѣсколько разъ стукнули съ одной стороны, мужикъ переглянулся и спросилъ стучащаго: «кто тамъ, не рано?» Въ окнѣ избы показалось лицо, бѣлое какъ береста; большіе, тусклые, свинцоваго цвѣта глаза, ничего не выражая, глядѣли въ избу.

«Кто тамъ, скажись, кто тамъ, живъ человѣкъ?» опросилъ подуныяный Петръ.

— Какой тебѣ живъ человѣкъ: полуночники только, да еретики (11) ходятъ въ эту пору; вишь, какая нелюдская рожа уставилась, гляди-ко, Петръ!

— Ребята, раздался голосъ съ улицы: — чѣмъ грѣять надъ человѣкомъ, подзвали бы его въ избу, да поспрошали бы ладомъ: зачѣмъ пришелъ онъ по васъ; не подстрѣлили, а теребишь, дружокъ Василій; лучше одѣвайтесь-ко, да пойдемъ со мной: не продайте,

ребята, при бѣдности! Мы, вдвоемъ съ жenkой, рубили комель, порѣпили работу и пошли ночевать—*ночлеговать* въ эту избу, да что будешь дѣлать: шли по Михалевскому-Болоту, послѣ дождя мостовины смокли: жена одной ногой окатилась, а другой ульнула межъ мостовины, — лежить и теперь, только ногу не выставила ли (12). Поспѣшите, братаны, пособиите притащить до избы; гляньте въ окно: выяснѣло и вѣтерокъ съ обѣдника, на часъ замерзнетъ; давай, выходите, ребята!

— Да кто ты? спросилъ Петръ.

— Захаръ, съ Рогова! отвѣтилъ чelовѣкъ за окномъ.

— Что, Василій, развѣ пойдемъ?

— Пойдемъ, не то; да въ посудѣ-то, не бось, осталось отъ *вечѣршилю*, дохлебнемъ на дорогу; теплѣе будетъ идти въ болото!

Если бы кто-нибудь въ это время поглядѣлъ на лицо въ окнѣ, онъ увидѣлъ бы, какъ по лукавымъ губамъ ночнаго гостя проползла радостная улыбка (13).

Мужички выпили на дорогу стака-на по два и, перекачиваясь, вышли изъ избы.

— Эй, ты, Прохоръ, или какъ тебя? сказалъ болѣе хмѣльной Петръ.

— Какой Прохоръ? Захаръ! оговорилъ Василій.

— Ну, Захаръ, что ли, бормочетъ пьяный Петръ: — да, вотъ что, Василій, дѣло надо говорить: понли мы безъ трутоноши..... ну, метѣтъ (живетъ) и такъ, давай, правься, Василій!

— Воротись, шальной, шапку оставилъ!

— Ахъ, да! отвѣтилъ пьяный Петръ, махнулъ рукою, сходилъ за шапкой, и

(12) *Выставить* какой-либо членъ—выкинуть, выломать.

(13) По рассказамъ мужиковъ, лѣшій охотиѣ шутить надъ пьяными мужиками; пьяный—это для него кладъ! Кто не смекнетъ, что штофъ, найденный Петромъ, подкинуть лѣшима.

(11) Объ этомъ нѣсколько словъ ниже.

отправились молодцы, предводимые Захаромъ съ Рогова.

—Слышь, ты, дворянинъ, куда круто? окричалъ передоваго Петръ.

Вожакъ пошелъ волюнѣе. Назвавшийся Захаромъ съ Рогова былъ мужикъ высокій, статный, только блѣдный и худощавый до-нѣльзя; блѣлый нагольный полушубокъ на немъ былъ запахнуть лѣвою полою на верхъ: пьяные, они не догадались посмотреть на эту примѣтку. Идутъ они, а дорога лежитъ гладкая, какъ столешница: идти *подходно*. Не прошли двухъ верстъ, Петръ снова крикнулъ передовому:—Захаръ! мы идемъ ровнио по почтовой, куда ты повелъ: мѣстъ опознать не могу; сколько ни хаживалъ я здѣсь, а такой торной, забитой тропы не попримѣтилъ.

— Я огибаю болото по гривамъ! отвѣтилъ вожакъ и пошли дальше.

Мѣсяцъ покрылся облаками, началъ крапать дождь; вдругъ страшный, оглушительный ударъ грома прокатился по небу, сверкнула молнія и молодцы перекрестились и — стали, какъ пни. Петръ, осмотрѣвшись, увидѣлъ себя на обрывистомъ берегу какого-то широкаго озера, еще шагъ—и онъ бы упалъ въ него; Василий, шедшій сзади, увидѣлъ впереди себя сучковатую колodu, сзади выскорь, сажени въ двѣ вышиною, выдавшіеся корни которой переплели и перекрутили ноги его, а съ боковъ у него чаща такая, что и палки не пропихаешь; онъ поотсталъ отъ двухъ переднихъ и совершенно смѣшался, увидѣвъ себя въ такомъ мѣстѣ: притча, подумалъ онъ, шелъ, какъ по скатерти, а попалъ въ такое, прости Господи, непохожее мѣсто; Петръ, ай, Петръ, гдѣ ты? закричалъ онъ, чуть не плача. Послѣ этихъ словъ раздался по лѣсу рѣзкій, перекатистый хохотъ; это веселится лѣшій, насмѣвавшійся надъ ними.

Кой-какъ сошлись молодцы: у обоихъ волосы въ шапки не убираются, такъ перепугалъ ихъ дядя Захаръ съ Рогова.

— Гдѣ мы, Петръ? Чтo это разсвѣ-

тилось впереди, по молніи? спросилъ Василий.

—Нюнежское! (14) отвѣчалъ Петръ и потащилъ товарища въ избу, гдѣ они спали и которая теперь была отъ нихъ въ двѣнадцати верстахъ.

— Не надо бы пить намъ, братъ Петръ!

— Ну, молчи, до дѣла: впору громъ грянулъ, впору и перекрестились!

Во время осеннихъ *листопадозъ* сбѣжала у мужика лошадь; мужикъ былъ работающій по казеннымъ подрядамъ, вывозилъ изъ лѣса къ рѣкѣ мачтовья деревья; попеньщины бралъ хорошія, работа посильная, не постылая, денежки горячія: чтo дерево представивъ, то подставляя кошель—и отсчитываютъ; сбѣжала, повторяю, у этого мужика лошадь. Мужикъ побѣгалъ, поахалъ: чѣмъ бы идти по дальнимъ уходамъ, да по горячимъ слѣдамъ, опитывать (15) ее, мужикъ нашъ съ горя пошелъ къ сосѣдямъ совѣтоваться объ лошади: «какъ скажешь, Иванъ, другой день коня во дворѣ нѣтъ; надобно деревья вывозить по подряду, да безъ лошади куда попалъ: не на себѣ повезешь!» Тутъ повелутся разговоры, рассказы и кончатся тѣмъ, что Иванъ посовѣтууетъ ему подать въ приказъ объявленіе о потерѣ.

— Какъ же, Иванъ, пока ходятъ по разнымъ мѣстамъ бумаги—то, куда я безъ лошади-то, а въдѣ это дѣло не часомъ повершатъ!

— Ну, какъ знаешь!

Наговорившись съ нимъ, мужичекъ отправляется къ другому сосѣду—Оомѣ: опять та же исторія, смотреть мужикъ — и день къ вечеру: «куда теперь пойдешь, на половинѣ дороги

(14) Озеро Нюнежское отъ устья рѣки Нюнеги верстъ 70; въ него течетъ означенная рѣчка; площадь его около 200 десятинъ. А. Х.

(15) *Опйтывать коня*—найти сбѣжавшаго коня по его слѣдамъ на землѣ; *донятывать, пйтывать*—идти по направленію конскихъ слѣдовъ, въ надеждѣ найти коня. А. Х.

отемишь! Придетъ мужикъ въ свою избу, а тамъ жена напустится на него: «ходишь, старѣй, по сосѣдямъ, что тебѣ взять у сосѣда? У него изъ двора силѣмъ лошади не выведешь: пошелъ бы съ утра на дальнія пожни, какъ знать, бывать и опятналъ бы гдѣ; и мы бы не тужили: на дѣло пошелъ!»

Прошло еще дня два,—мужикъ взвалилъ на плечи кузовъ сухарей и пошелъ за лошадыю; отошелъ онъ отъ жида верстъ восемь, видитъ: близъ дороги, на колодѣ, сидитъ мужикъ, около него винтовка и кузовъ съ хлѣбомъ.

— Путь-дорога! Куда снялся, почтенный? спросилъ мужикъ съ винтовкой.

Мужикъ нашъ, обрадованный тѣмъ, что встрѣтилъ человѣка, которому можетъ высказать горе и который, съ участіемъ ли, безъ участія ли, а выслушаетъ рассказъ его о потерявшейся лошади, сложилъ съ плечъ кузовъ и сѣлъ подлѣ мужика съ винтовкой. Рассказавъ ему подробно о своемъ и есчастіи, онъ глядѣлъ на него, въ ожиданіи отвѣта.

— Шерстью воронѣ была, говоришь, сказалъ незнакомый: — не было ли у ней надъ правымъ глазомъ *просѣдины*?

— Родимый!...

— Да и ухо правое не съ изъянцемъ ли, не разсѣчено ли?

— Та и есть, кормилецъ, рассказавъ, какъ прочиталъ: моя самая, настоящая моя; и просѣдина надъ глазомъ, и ухо разсѣчено, все, какъ у живой, какъ теперь, вотъ, право, гляжу; не покинь, кормилецъ, научи, гдѣ взять?

— Пойди жъ согру, что за Дресвянкой, держись на-право, орѣлки (см. это въ словарѣ г. Борисова, въ От. Зап.), на средину не забирайся, сегодня шелъ я по *пѣтику* и видѣлъ ее около того мѣста; убѣжала, такъ *слѣды* (слѣды) оставила; опятнаешь, доберешься и до самой! сказалъ мужикъ и хотѣлъ идти.

— Да погоди, дядя, какъ тебя? За Дресвянкой, говоришь; да погоди же: тѣмъ часомъ въ деревнѣ не будешь, хоть табакомъ нанюхаю. Словоохотли-

вый мужичекъ вынулъ изъ-за пазухи берестяный *пермѣнь*, открылъ и подноситъ незнакомому: «возьми, дядя, самъ съ ярмарки привезъ, у знакомого бралъ; за Дресвянкой, говоришь, а лошадь-то была, безъ хвоста скажу, на всю волюсть!» Незнакомый взялъ изъ берестяной табакерки, понюхалъ, простился съ мужикомъ и пошелъ къ жику, а мужикъ все еще стоялъ и хвалилъ табакъ, табакерку и лошадь; наконецъ, и тотъ отправился по дорогѣ.

Прошелъ мужикъ Дресвянку, приблизился къ согру—лошади нѣтъ; пошелъ дальше въ согру, глядитъ:—мелькнуло что-то между деревьями, подходитъ ближе: «вотъ куда лѣшій занесъ, проклятую! Птру, птру!..» кричитъ онъ, увидѣвъ и опознавъ свою вороную,—куда! Лошадь вертится и скачетъ по согру, какъ по *блѣмѣху*: подпуститъ его къ себѣ на сажень и скакнетъ въ сторону, потомъ, будто играя, пойдетъ ступью; мужикъ, раздосадованный неудачею, направится за нею, вотъ, кажется, у рукъ, вотъ и схватилъ: «ну, слава Богу...» смотритъ: ни лошади, ни согры; онъ одинъ ползетъ къ медвѣжьему *слонцу*; одно робкое движеніе и—онъ собьетъ насто-роженные палочки, и толстые кражи рухнутъ на него всею тяжестью. Отползъ мужикъ отъ ловушки, смотритъ вдаль, за рѣкой большая деревня, изъ трубъ поднимается дымъ, утро, а перелъ нимъ вертится доброжелатель-незнакомецъ, и нюхаетъ табакъ, и сверкаетъ глазами, и скалитъ зубы.

Крестьянинъ въ лѣсу ночью не посмѣетъ свистнуть: этимъ свистомъ онъ боится разбудить спящаго лѣшаго. Проснувшись отъ свиста мужика, онъ спѣшитъ откликнуться ему. Если страшный свистъ лѣшаго послышался съ запада, напуганный мужикъ, разумѣется, идетъ въ противную сторону; прошедши версты полторы, въ мертвой тишинѣ ночи слышитъ около себя этотъ вѣщій, оглушающій свистъ; вдосталь уничтоженный, онъ продол-

жаеть плутать по лѣсу до-тѣхъ-поръ, пока не зайдетъ въ мѣсто, совершенно незнакомое ему; тогда, достигнувъ цѣли, лѣшій идетъ въ избушку и уже крестьянинъ слышитъ не свистъ, а громкій, перекатный хохотъ.

Лѣшій, проснувшись утромъ, заранѣе назначаетъ какую-нибудь лѣсную избушку мѣстомъ своего будущаго ночлега; если охотникъ-промышленникъ прежде его займетъ эту отмыченную лѣшимъ избушку, тогда лѣшій, ошибившійся въ расчетѣ, начинаетъ мутить надъ мужикомъ, въ надеждѣ выгнать его изъ избы: онъ то вѣтромъ пройдетъ надъ избушкой и пошатнетъ ея хилую кровлю, то, выдернувъ дверь, метнетъ ее далеко въ лѣсъ, то забуровитъ водою въ рѣкѣ, дунетъ вѣтромъ, тряхнетъ лѣсомъ и подниметъ такой шумъ, какого бѣдному промышленнику, oprичъ этого случая, и не слыхивать бы вѣкомъ. Если мужикъ, совершенно потерявшись, струсить до такой степени, что даже не въ состоянiи будетъ убѣжать изъ этой проклятой избы, тогда онъ счастливъ: лѣшій, вдоволь набѣшившись надъ нимъ и видя желанiя свои выгнать его изъ избы не сбывшимися, отправляется, раздосадованный, на другой ночлегъ. Если же болѣе-смѣлый охотникъ захочетъ во что бы то ни стало оставить нечистую избушку, онъ или заблудится, или утонетъ, заведенный лѣшимъ въ озеро, гдѣ его принимаетъ съ рукъ-на-руки другъ и поворотимъ лѣшаго—водяной.

Между лѣшними черношерстыми собаками есть такія, которыя имѣютъ надъ каждымъ глазомъ по бѣлому пятну; расположеніе этихъ пятенъ относительно одно другаго, довольно-правильно. Пятна эти крестьяне зовутъ *другими глазами*, а собакъ, имѣющихъ надъ глазами эти пятна—*двоглагозками*. Повѣрье говоритъ о нихъ, что настоящими глазами онѣ видятъ предметы, всѣмъ намъ видимые, вещественные; глазами же—пятнами видятъ «непріятную силу». Нѣкоторые изъ лѣшниковъ, болѣе другихъ напуганные

«непріятной силой», имѣютъ совершенное отвращеніе отъ собакъ - двоглагозокъ, и какъ бы онѣ ни были полезны въ охотѣ, онѣ изъ одного страха не согласится промышлять съ *двоглагозкой*. Эти собаки у мужиковъ слывятся *ретивыми*. Если кто-нибудь, ночуя съ собакой-двоглагозкой въ станкѣ, услышитъ, безъ видимыхъ причинъ, внезапное ворчанье ея, онъ спѣшитъ унять ее, боясь дальнѣйшимъ ворчаньемъ собаки раздражить присутствующаго здѣсь лѣшаго; онъ, по рассказамъ мужиковъ, не теритъ лая собакъ вообще, и собакъ-двоглагозокъ въ особенности. Мужикъ, дружный съ лѣшимъ, пошелъ съ сосѣдами на свадьбу: тамъ былъ онъ заурядъ дружки; на свадьбѣ, какъ водится, подпили, подгуляли и вечеромъ веселье отправились по домамъ. Пьяный дружка захотѣлъ своимъ умѣньемъ похвастать передъ товарищами: «ребята, чего мы не видали идти пѣшкомъ, лучше поѣдемъ!» Отошелъ въ сторону, свиснулъ и колымага, запряженная четверкой породистыхъ лошадей, мчится къ нимъ по дорогѣ; гайдуки соскочили съ запятокъ и съ поклонами приглашаютъ пьяныхъ мужиковъ въ экипажъ. Тѣ, разумѣется, перепугались; дружка снова свиснулъ: колымага, лошади и гайдуки—все пропало! Идутъ мужики впередъ по дорогѣ. Дружка снова захотѣлъ подшутить надъ товарищами: «показать ли вамъ, ребята, куклу? За посмотрѣнье не дорого: завтра утромъ купите полуштофъ на опохмѣлку!» Мужики переглянулись, не успѣли перемолвиться, глядятъ: на красной полосѣ гаснущей зари отпечатались предъ ними огромная, темная, движущаяся фигура человѣка; фигура эта, или, какъ ее называлъ дружка, кукла, приближалась къ нимъ; вотъ она уже близко, уже ясно различаютъ мужики движеніе глазъ и мускуловъ этого огромнаго лица; она остановилась: одну руку положила на вершину лиственницы, а другая виситъ въ натуральномъ положеніи. *Мертво* испуганные, они упали безъ движенія на до-

рогу; по утру просыпаются, глядя: коздуна нѣтъ между ними; тут только они вспомнили вчерашніе фокусы дружки. Осмотрѣвшись, они увидѣли какъ онъ виситъ на той лиственницѣ, на которую лѣшій-кукла накладывалъ руку. Оправдались слова лѣшаго: «если ты меня призовешь и при товарищахъ, я покажусь, только спасибо тебѣ за это не дамъ: наведетъ волюшка на неволю!» Вотъ-какъ опасно шутить дружкой этого владыки лѣсовъ.

Крестьянинъ, дружный съ лѣшимъ, уважается между своими собратами; всякій, кто потеряетъ корову, лошадь, идетъ къ нему съ поклономъ, разумѣется, взявъ съ собою предварительно нѣсколько денегъ, которыя и отдаетъ коздуну, съ просьбою вѣрнѣе показать мѣсто, на которомъ можно отыскать пропавшую. Найдеть своробъ, найдешь и когтя. Тутъ открывается широкое поле обмановъ, плутовства, которыми опутываютъ деревенскіе маги своихъ собратьевъ; но должно замѣтить, что какъ бы ни были грубы обманы знахаря, онъ всегда найдетъ случай оправдать себя, и всегда вина будетъ на сторонѣ простака-просителя.

Лѣшій весьма-высоко цѣнитъ услуги свои: заставить попусту пробѣгать его нѣсколько десятковъ верстъ, значитъ раздражить его.

Мужикъ приказалъ лѣшему пригнать подъ окно лѣсной избушки стада лисицъ; исполнитель отправился, а мужикъ той порой поджидалъ къ себѣ жену, которая должна была прийти къ нему въ эту пору съ хлѣбомъ изъ деревни. Дождаясь мужикъ жены: сидятъ оба въ избѣ и бесѣдуютъ о домашнемъ. Вдругъ подъ окномъ избушки раздалось: «стрѣляй!» Мужикъ съ женою посмотрѣли: подъ окномъ штукъ десятка-три лисицъ и между ними нѣсколько отмѣнныхъ, чернобурыхъ.

«Стрѣляй, не то убью!» закричалъ голосъ.

Испуганный мужикъ бросился отъ окна; жена его, болѣе смѣлая, машинально спустила курокъ винтовки, и

три подстрѣленные лисицы завертѣлись. Лѣшій доволенъ: труды его не пропали даромъ. Еслибъ и жена, подобно мужику, струсила отъ угрозы, лѣшій задавилъ бы его.

Вотъ все, что говорить здѣсь о лѣшемъ.

Водяной въ здѣшней демонологіи играетъ самую мелкую, незначительную роль. Мужики представляютъ его себѣ холостымъ старикомъ-домохо-зяиномъ. Всякій водяной имѣетъ у себя стада лошадей, коровъ, которыхъ изрѣдка ночью выгоняетъ для паствы на смежные луга; мужикъ, увидѣвъ это, спѣшитъ за добра ума убраться въ избу; въ противномъ случаѣ, водяной завербуетъ его пастухомъ своего стада.

Нѣкоторые омуты въ рѣчкахъ и озерахъ крестьяне называютъ темными; это, по рассказамъ ихъ, тѣ самые омуты, въ которыхъ живутъ водяные и переплыть кому-нибудь это мѣсто въ рѣкѣ значитъ рискнуть.

Если трупъ утонувшаго чрезъ нѣсколько времени будетъ вытасченъ посинѣлымъ, раздутымъ и вообще безобразнымъ, крестьяне говорятъ, что это водяной подмѣнилъ крещенаго человѣка безобразнымъ «обмѣномъ», а тѣло взялъ къ себѣ, и всякій пренебрегаетъ труномъ утонувшаго, а жалѣетъ того человѣка, который, по ихъ понятію, остался у водяного.

Рассказываютъ анекдотъ объ одной утонувшей дѣвушкѣ; она, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, жила съ водянымъ. Однажды, въ ясный, лѣтній день, подплывъ къ берегу, она услышала колокольный звонъ, свѣтъ солнца, зелень береговъ, цвѣтъ неба; все это живо пробудило въ ней воспоминаніе о томъ времени, когда и она могла свободно топтать эту зелень луговъ, безъ боязни войти въ Божью церковь. Грустная, поплыла она въ чертоги водяного и плачетъ, и просится изъ воды посмотреть, какъ живутъ люди. Водяной отказалъ, утѣшилъ ее и—все забыто.

Снова, въ солнечный день, подплыла она къ берегу: тотъ же церковный

звонъ, то же солнце сверкаетъ въ листьяхъ березняка, тотъ же стоголосный гулъ наѣкомыхъ. Опять, рыдающая, приплыла она къ водяному и снова отказать съ крѣпкимъ наказомъ не подплывать къ берегу.

Въ третiй разъ подплывъ къ берегу, она не утерпѣла; выскочила на берегъ, и, опознавъ разныя мѣста, пустилась къ отцу. Дома ея не признавали и дичились: «побѣги отъ насъ, мы тебя не знаемъ: дочь наша давно утонула».

Вечеромъ одного дня возвращалась она отъ священника по берегу въ деревню; выпрыгнувшiй изъ воды водяной схватилъ ее и черезъ два дня мужики стояли около безобразнаго трупа, выкинутого волнами на берегъ и разговаривали прочудесное возвращенiе и про скорую смерть утонувшей, а рѣка шумѣла и волновалась въ берегахъ: это водяной тосковалъ и плакалъ о невозвратной потерѣ своей подруги.

Въ Петровскомъ Правленiи есть деревня; крестьяне зовутъ ее Монастыремъ; выстроена она на берегу озера, имѣющаго въ окружности версты двѣ. Рассказываютъ, что давно тому мужики этой деревни, неводя рыбу, вытащили изъ озера съѣмъ ребенка; ребенокъ рѣзвился, игралъ, когда опускали его въ воду и плакалъ, томился, если вносили его въ избу. Мужикъ-рыболовъ, поймавшiй ребенка, сказалъ ему однажды: «слушай, мальчикъ, больше тебя томить я не буду, пушу къ отцу въ озеро, только послужи и ты мнѣ: я по вечеру разставлю сѣти, нагощи, дружокъ, въ нихъ побольше рыбы.» Ребенокъ, сидѣвшiй на шесткѣ, задрожалъ и глазки его засверкали.

Мужикъ разставилъ крѣпкія сѣти на озерѣ, посадилъ ребенка въ ушатъ и вынесши на берегъ, бросилъ въ воду.

По утру приходить мужикъ осматривать сѣть: полна рыбы! Мужичокъ обогатился рыбною ловлей.

Водяной, такъ же, какъ и лѣшiй, гнѣвается на того, кто ночью свистомъ побеспокоитъ его сонъ; если свистящiй плыветъ въ лодкѣ, онъ опрокидываетъ лодку и увлекаетъ пловца на дно;

если онъ идетъ по берегу, водяной хватаетъ его съ берега. Здѣшнiй крестьянинъ боится купаться послѣ заката солнца: «какое теперь купанье, теперь водяной зажилъ». Самымъ опаснымъ временемъ для купанья здѣшніе мужики считаютъ недѣлю предъ праздникомъ Илiи пророка: рассказываютъ, что въ это время водяной ищетъ себѣ жертвъ и развѣ отчаяннѣйшiй мужикъ рѣшится купаться на пльинскiй недѣлѣ.

Нѣкоторые изъ мужиковъ, проснувшись ночью отъ жажды, не позволяютъ себѣ до *вставальной* поры утолить ее. Начало этого предубѣжденiя слѣдующее: мужикъ думаетъ, что если онъ, ночью, вынетъ ковшъ воды, то долженъ будетъ поплатиться за это здоровьемъ; онъ не потому опасается ночью пить воду, что она въ состоянiи испортить его мѣднiй желудокъ, нѣтъ, онъ этого не думаетъ; настоящая причина страха его — какая-то темная, самому ему непонятная дума объ этой водѣ... «Какъ я стану пить воду ночью, можетъ, съ этимъ питьемъ прильнетъ ко мнѣ *красная* (водяная)!» Вотъ, по ихъ вѣрованiю, корень водяной болѣзни. Смотри на одержимаго водяною, мужичокъ самоуверенно говорить: «вѣрно испилъ ночью, не благословясь, мудро пособлать». Покачаетъ головой и пойдетъ.

Кстати о болѣзняхъ: знаете ли вы, что такое болѣзни во снѣ у человѣка и скота? Здѣшніе мужики говорятъ, что всякiй человѣкъ бываетъ одержимъ во снѣ различными болѣзнями: водяныя, горячки, лихорадки и всѣ эти легкія болѣзни необходимо долженъ претерпѣть всякiй изъ людей, какъ наказанiе Божіе, за грѣхи наши. Но Богъ, по милосердію своему, посылаетъ эти болѣзни человѣку во время сна и если кто-нибудь претерпѣвая во снѣ недугъ, будетъ разбуженъ прежде окончанiя его, тогда разбуженный дѣлается боленъ тою болѣзнію, которая посѣтила его во снѣ и которая необходимо кончилась бы, еслибъ больной проснулся самъ. Вѣря этому, крестьяне боятся

будить на зарѣ собратовъ своихъ; если же какая-нибудь необходимость заставить непременно разбудить спящаго, когда они съ величайшею осторожностью начинаютъ его беспокоить, какъ-будто тѣмъ самымъ желаютъ ускорить дѣйствіе воображаемой болѣзни и привести ее къ благополучному концу.

Водяной, по рассказамъ мужиковъ, иногда любитъ пошутить.

Мужики деревни Заватья рассказываютъ, какъ они ежедневно, въ продолженіе двухъ недѣль, были свидѣтелями игры водянаго. Смотрятъ на рѣку: тихо; вдругъ вода заклубится, запынится и изъ нея выскочитъ что-то такое, чего нельзя назвать ни человѣкомъ, ни рыбой. Чудо скроется и опять все тихо, а въ пол-верстѣ отъ того мѣста клубится и пынится вода и выскакиваетъ опять то же чудо. Мужики хотѣли поймать въ сѣти эту чудную рыбу, но приходскій блаоразумный священникъ, бывшій свидѣтелемъ этого, отговорилъ ихъ пускаться на такое смѣлое и не христіанское дѣло.

Два мужика *лучатъ* рыбу. Одинъ, стоящій въ носу съ острогою, снялъ шапку, перекрестился набожно и махнулъ товарищу рукою грести отъ этого мѣста прочь. Когда они отплыли съ пол-версты отъ мѣста, носовой, обращаясь къ гребцу, спросилъ:

— Видѣлъ?

— Нѣтъ. А что?

— Да развѣ не видѣлъ человѣка: лежалъ на днѣ, и руки распустилъ; не мертвое тѣло—шевелится! Кому быть, oprичь водянаго!

Пришли мужички въ деревню: «видѣли водянаго, въ озерѣ нечисто и рассказамъ нѣтъ конца.»

Дня черезъ два, нѣкоторые изъ рыболововъ посмѣяе, отправились досматривать чудо. Носовой, увидя что-то, дѣйствительно похожее на человѣка, лежащее на глубинѣ двухъ сажень, сильно *тялъ* острогою. На острогѣ необычайная тяжесть, вынули, смотрятъ: огромная щука (16) держитъ въ зу-

бахъ лебедя. Шлывшаго лебедя она схватила зубами и, послѣ упорной съ обѣихъ сторонъ борьбы, обезсилившая, она, наконецъ, упала на дно; а распущенные крылья лебедя въ легко-волнующейся водѣ, при свѣтѣ огня, показались мужикамъ за движущіяся руки человѣка. Вотъ и все!

Кромѣ этихъ трехъ представителей дѣйственной непріятной силы, есть еще *еретики, полуночники, банники и туменики*. Скажу объ нихъ нѣсколько словъ.

Умирающій колдунъ, знахарь, крѣпко-на-крѣпко наказываетъ окружающимъ не держать тѣла его по смерти на поверхности земли болѣе одного дня. Если наказъ этотъ преступленъ, покойникъ встаетъ въ двѣнадцать часовъ изъ гроба и ходитъ по жиу до первого крика пѣтуха. Вставъ изъ гроба, первымъ долгомъ считаетъ онъ побывать у бывшихъ родичей своихъ. Здѣсь нужно замѣтить, что если родные умершаго, смежившіе ему глаза, озаботились также и руки его сложить крестомъ и если эти руки, сложенные крестообразно, не перемѣнили своего положенія, т. е. заколѣли такимъ образомъ сложенные, то вставшій не можетъ дѣйствовать ими: онъ въ состояніи вредить только зубами, но зубы его, какъ стальные клыки, сокрушаютъ все встрѣчающееся. Продолжаю начатое. Вставшій мертвецъ - *еретикъ*, спѣшитъ къ бывшимъ роднымъ: прогрызенною дверью онъ врывается въ избу и, прежде всего, бросается къ зыбкѣ, если она есть въ избѣ. Высавъ кровь младенца, онъ за тѣмъ же обращается къ прочимъ живымъ въ домѣ. Первый крикъ пѣтуха повергаетъ его окровавленнаго на землю. Тогда въ сердце его вбиваютъ осиновый колъ и кладутъ его въ гробъ ницъ. Для безопасности дома отъ подобныхъ ночныхъ посѣтителей и посѣтительницъ—

ка-исполнѣтъ, пойманная когда-то въ оломъ изъ множества озеръ Сѣйскаго-Монастыря св. Антонія. А. Х.

(16) Это было. Кому не извѣстна шу-

еретиковъ и еретичъ, держать въ домѣ траву чертополохъ, которой, говорятъ, какъ креста боится вся эта могильная свѣлочъ. Нѣкоторые для того же держать въ домѣ какую-то траву осотъ; вотъ какъ они ее описываютъ: «есть трава осотъ, вельми добра; кто знаетъ ее и тотъ великъ талантъ приобрящетъ на земли; листьё у ней, что денежки, высота въ пядь; цвѣтъ на ней разный, всякій, а растетъ она по сильнымъ мѣстамъ *раменскимъ* (?), и та трава иному покажется, а иному не покажется... а корень ея такъ свѣтель, какъ воскъ, и растетъ она при морѣ, а именуется царь во травахъ».

Мужикъ ночью пошелъ къ *зароду* привести во дворъ лошадекъ нѣшу сѣна; на возвратномъ пути онъ слышитъ за собою топотъ. Оглянувся мужичекъ — и чуть не умеръ со страха: освѣщенный мѣсяцемъ, занимъ мчится еретикъ, съ сложенными крестообразно руками. Вотъ онъ уже близко: уже мужикъ слышитъ скрипѣніе желѣзныхъ зубовъ его, уже вѣтеръ наноситъ на мужика могильный запахъ *живаго* трупа. Отчаянный мужикъ вбѣгаетъ въ первое попавшееся ему строеніе. Захлопнувъ крѣпко-на-крѣпко дверь, — а мужичекъ слышалъ, что еретики сильны только зубами, — онъ осмотрѣлся и узналъ въ этомъ строеніи собственное же свое гумно: «онъ не видалъ, какъ я вбѣжалъ сюда», думаетъ мужичекъ, сидя въ гумнѣ, «не собачье же у него, у подгана, чутье, да что тутъ говорить: сказано, что еретикъ, такъ... не успѣлъ кончить мужичекъ думки, какъ послышались толчки и вскорѣ древесина посыпалась на землю опилками рѣзъ стальныхъ зубовъ еретика. Вотъ уже прогрызено значительное отверстіе, еще не много и еретикъ вскочитъ въ диру, и смерть мужика неизбежна (17).

Какъ увидѣлъ отчаянный мужичекъ нечеловѣческое лицо еретика и зубы его, взмолился онъ не своимъ голосомъ: «*дядя гумѣнникъ*, не продай, дядюшка, въ бѣдности, побратайся съ поганымъ еретикомъ: за эту службу весь я твой, душой и тѣломъ!»

Только кончилъ мужикъ эту рѣчь, въ прогрызенное отверстіе въ двери овина ворвался еретикъ. Добрый *гумѣнникъ* услышалъ голосъ мужика и, схвативъ еретика, закружился съ нимъ, невидимый, по полу овина (18). Удивленный мужикъ, видя еретика скалящаго зубы и вертающагося на полу, не понимаетъ причины этого. Неясная дума говоритъ ему, что это продѣлки заступника его — *гумѣнника*; мужикъ, глядя на эту борьбу, достойную пера Гофмана, въ которой изъ двухъ жестокихъ соперниковъ виденъ только одинъ, не смѣетъ шептать молитвы; онъ боится этихъ обезоружить, прогнать благодѣтельнаго заступника — *гумѣнника*. Раздался крикъ пѣтуха и борьба кончена: окровавленный, истерзанный еретикъ растянулся пластомъ; онъ уже обезоруженъ. Вотъ все, что можно сказать о непокойномъ покойникѣ-еретикѣ.

Отецъ съ сыномъ, настрѣлавъ много дорогихъ звѣрей, пришли въ станокъ. Звѣриныя шкуры свѣты, усталый, дряхлый отецъ спитъ, а сынъ, глядя на старика, думаетъ не честную лунку: «убью батюшку, кто видитъ? Шкуры продамъ: рублевъ сотъ пяттокъ выручу, — заживу не хуже любова богача».

Вынесъ онъ шкуры изъ избы къ озеру, приперъ снаружи дверь толстымъ кряжемъ, разложилъ подъ углы сухихъ дровъ, подложилъ огонь; пламя засвистѣло и испуганный отцеубійца побѣждалъ, сопровождаемый звуками дребезжащаго голоса старика-от-

Здѣсь говорятъ, что всякое сопробіе еретикъ напрасно: онъ не боятся огня, ни меча.

(18) О лѣсныхъ, водяныхъ, домовыхъ, бабникахъ и овинникахъ, крестьяне говорятъ какъ о духахъ, способныхъ, по произволу, принимать на себя вѣщественный, видимый образъ.

ца: «Семень, Семень, слышь, Семень, гдѣ ты..... Семень, голубчикъ..... ахъ!....» Зажавъ уши, чтобъ не слышать, онъ бѣжить, бѣжить дальше, въ лѣсъ.....

Продавъ, хуже, чѣмъ продавъ, убилъ сынъ отца, промаячилъ съ ну-жей первые дни, когда совѣсть, какъ обухомъ, или молотомъ по наковальнѣ, колотила мозгъ его, промаячилъ, говорю, эту пору, продавъ на ярмаркѣ за безцѣнокъ звѣринныя шкуры, а не теперъ сказано и не нами: что легко наживается, то еще легче проживается, пошелъ мужичекъ по трактирамъ, по харчевнямъ, положилъ онъ тамъ въ три дня выручку свою триста рублей. Правится домой мужикъ: только сѣрый, орѣшенскій армякъ на плечахъ, да устюжскіе сапоги на погахъ остались послѣ выгодной продажи шкуръ; правится онъ, повторяю, а его сзади доправляютъ трактирные товарищи его: «богатъ больно: въ три дня такую силу денегъ оставилъ; настигѣмъ, положимъ, много ихъ здѣсь въ тундру запихано: лежи до дѣла, пока не спросятъ, а денежки, *которыя лишнія* (19), оберемъ: съ ними не хуже!» Какъ сказано, такъ и сдѣлано: мужикъ богачъ убитъ, а душа его всякую ночь летаетъ на мѣсто послѣдняго ночлега сожженного отца, прося прощенія. Эта-то тѣнь мужика-отцеубійцы, оглашающая воплями окрестности сгорѣвшей избышки, и называется здѣсь *полудникомъ*. Если кто-нибудь изъ мірянъ захочетъ успокоить несчастную тѣнь сына, тогда онъ ставитъ надъ могилою старика крестъ, и тѣнь рѣже посѣщаетъ мѣсто убійства.

Быть-можетъ, читающій подумаетъ, что всѣ эти мученія души убійцы послѣ

смерти его, витаніе ея надъ прахомъ убитого слишкомъ высоки для простой, наусущной фантазіи мужика-сѣверяка. На это я отвѣчу, что, описывая демонологію *народа, сочинять* подобныя легенды, по-крайней-мѣрѣ я, рѣшительно не хочу и не способенъ, а замыкать въ такія тѣсныя рамки фантазію нашего мужичка всякій можетъ и никто ему въ этомъ не поперечить. Почти всѣ анекдоты, включенные мною въ эту статейку, слышалъ я отъ мужиковъ не какъ рассказы, обращенные ко мнѣ собственно, а какъ анекдоты, рассказываемые ими одинъ другому, анекдоты на-распашку, откровенные, дружескіе.

Гумѣнники живутъ въ гумнахъ, *банники*, въ баняхъ. О нихъ такъ рѣдко говорятъ мужики и все, что говорятъ они, такъ противорѣчитъ одно другому, что и писать объ этомъ, по моему, не должно бы. Про *гумѣнника* говорятъ, что онъ мужику, дружному съ нимъ, заправляетъ, Богъ вѣсть откуда, хлѣбъ, такъ-что мужикъ въ-теченіе зимы и весны, не прибѣгая къ куплѣ, самъ еще продаетъ лишній хлѣбъ на базарахъ; говорятъ, что онъ въ своемъ владѣніи, въ гумнѣ, не любитъ *ночлежниковъ* и ни одинъ благоразумный мужикъ не согласится одинъ ночевать въ овинѣ, боясь быть задавленнымъ. Покорное слово, какъ мы видѣли изъ рассказа про мужика, скрывшагося отъ еретики въ овинѣ, пріятно и люблю ему.

Про *банника* говорятъ, что онъ не любитъ того, кто позидѣ двѣнадцати часовъ ночи моется въ банѣ; если этотъ моющійся одинъ въ банѣ, то банникъ убиваетъ его камнемъ; въ противномъ случаѣ онъ выжидаетъ случая, когда тотъ одинъ будетъ мыться послѣ двѣнадцати часовъ. Вообще, нужно замѣтить, что здѣшніе крестьяне весьма бояться слишкомъ-поздно оставаться наединѣ въ баняхъ. Иногда банникъ любитъ подшутить надъ женщинами: ужасное храпѣнье, вой за каменкой, или хохотъ и свистъ внезапно выгоняютъ ихъ съ воплемъ и визгомъ

(19) *Которы(е, я) лишні(е, я)* это при-слово, совершенно безсмысленное весьма-часто приплетаютъ къ разговорамъ ни къ селу, ни къ городу; такъ на сельскихъ сходкахъ, сходкахъ десятскій вызываетъ на дворъ мужиковъ, скопившихся въ мірской избѣ: «Ой, вы, выходи, которые лишніе... и пр. значить: выходи всѣ, кто есть въ избѣ. А. Х.

изъ бани, въ одеждѣ прародителей до грѣхопаденiя.

Кромѣ означенныхъ еретика и еретицы, есть еще непокойные покойники, называющiеся этими именами; это утонувшiе колдунъ и колдунья. Утонувшiй мужчина плывётъ, обыкновенно, по теченiю рѣки, ницъ, женщина, какъ извѣстно, плыветъ съ теченiемъ лицомъ вверхъ. Если кто-либо увидитъ утопленника, плывущаго вверхъ лицомъ, или утопленницу, плывущую ницъ, что также случается, то онъ, оградясь крестомъ, спѣшитъ удалиться отъ нихъ, твердо увѣренный, что видѣлъ еретика—утонувшаго колдуна, или еретицу—утонувшую колдунью. Если кто нибудь по незнанiю, соблазнится новыми сапогами утонувшаго, что, нѣчего грѣха таить, также бываетъ, и, переневаши трупъ, ограбить его, то онъ долженъ въ-продолженiе двѣнадцати ночей упрашивать безпокойнаго покойника—отпустить ему вину его, потому-что ограбленный въ-продолженiе двѣнадцати ночей будетъ безпокоить вора.

Крестьяне, почитающiе себя колдунами, живутъ, по обыкновенiю, на счетъ довѣрчивыхъ собратьевъ своихъ.

Если бѣдный мужикъ крѣпко задумается о богатой дочери сосѣда, и послѣ всѣхъ старанiй и домогательствъ отчаявшись склонить непреклонную, все еще будетъ думать о ней, тогда онъ идетъ къ колдуну съ поклономъ: *присушитъ* къ нему ту, которая прежде не хотѣла удостоить его своимъ словомъ; «прильнешъ же ты ко мнѣ, какъ слѣпой къ тѣсту, прильнешъ, побѣжишь за мной и въ огонь и въ воду!» Это дума любовника, идущаго къ колдуну за присушными зельями. Дверь избушки отворилась: носомъ къ носу съ нашимъ обожателю встрѣтился колдунъ, старикъ Никифоръ, выходящiй изъ своего дома.

•Куда снѣлся, дядюшка, а я до тебя!»

— Проходи въ избу, дружекъ!

Мужичокъ излагаетъ предъ нимъ исторiю страсти своей; колдунъ, ко-

торому пособить чужому горю все равно, что намъ, грѣшнымъ, выпить стаканъ воды, нетерпѣливо киваетъ головой, понуждая рассказчика торопиться. Рассказъ конченъ; колдунъ вынимаетъ какой-то допотопный пряникъ, и, принявъ таинственной вилъ, начинается, поводя глаза и распирая по временамъ ноздри, наговаривать на этотъ знаменитый пряникъ; вотъ вамъ наговоръ отъ слова до слова.

•Во Имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божiй N, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за ворами; взмолюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: вѣтеръ Моисей, вѣтеръ луна, вѣтры буйные вихори! Дуйте и винтите по всему бѣлому свѣту и по всему міру крещенному, распалите и разожгите и сведите рабыню NN сомною, съ рабомъ Божiемъ NN: душа съ душой, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хоть съ хотью. Не уроните той моей присухи ни на воду, ни на лѣсъ, ни на землю и не на скотину: въ воду сроните, — вода высохнетъ; на лѣсъ сроните—лѣсъ повянеть; на землю сроните — земля сгоритъ; на скотину сроните, скотина посохнетъ. Снесите и донесите, вложите и положите въ рабицу Божію NN въ краевую дѣвицу: въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и въ плоть: чтобы красная дѣвица не могла безъ меня раба Божіа NN ни пить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, о мнѣ, рабѣ Божiемъ NN, тужила бы и тосковала и никогда бы не забывала. Есть въ чистомъ полѣ, сидитъ баба сводница, у бабы у сводницы стоитъ печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоитъ кунганъ *литръ* (?), въ томъ кунганѣ *литръ*, «всякая вещь» кипитъ перекипаетъ, горитъ перегараетъ, сохнетъ и посыхаетъ. И такъ же о мнѣ, рабѣ Божiемъ NN, рабица Божіа NN сердцемъ кипѣла, кровію горѣла, и не могла бы безъ меня, раба Божіа ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, ни питiемъ отпитися, ни дутьемъ одутися и не въ парной банѣ

отпариться. Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, аки ключъ на церквѣ. Во Имя Отца и Сына и Св. Духа Аминь 3. *

«Стану я, рабъ Божій N, благословясь, пойду, переврестясь: изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле на три *розтани*; помолюся я, рабъ Божій, тремъ братамъ, тремъ вѣтрамъ: первый братъ вѣтеръ восточный, второй вѣтеръ западъ, третій вѣтеръ сѣверъ! Внесите тоску и сухоту въ рабцу Божию N, чтобъ она о мнѣ, рабѣ Божіемъ, сохла и тоскнула; не могла бы ни дня днѣвать, ни часа часовать, отнынѣ довѣка и во вѣки. Аминь 3. *

Мужичокъ, получивъ отъ колдуна прятникъ, надъ которымъ онъ такъ усердно и громогласно читалъ свой наговоръ, ищетъ случая отлатъ его своей возлюбленной. Если это ему удастся, — она побѣждена; въ случаѣ неудачи, колдунъ обвиняетъ просителя: ты не такъ сдѣлалъ, какъ должно было сдѣлать, утратилъ то или другое; если же ты и въ точности выполнилъ наказъ мой, то, вѣрно, кромѣ той у тебя на умѣ бродитъ еще какая нибудь дѣвка, иначе наговоръ подѣйствовалъ бы. Впрочемъ, у меня есть наговоры и лучше этого. И колдунъ опять въ барышахъ: неотвязчивый проситель, домогаясь еще лучшаго, дѣйствительнѣйшаго наговора, кланяется ему нѣсколькими рублями денегъ, буракомъ масла, или жирною овцою.

Истый колдунъ необходимо главное лицо на свадьбахъ. Онъ, по обыкновенію, играетъ роль дружки. Движенія его въ продолженіе свадебныхъ церемоній какъ-то таинственны, загадочны и какъ-нельзя-болѣе умѣстны въ его званіи; этими загадочными движеніями, разводами рукъ, ни съ того, ни съ сего закатываніемъ подъ лобъ глазъ, разлауриваніемъ поздрей онъ выигрываетъ расположенія хозяевъ и удовольствіе, болѣе, чѣмъ удовольствіе, — гордость гостей. Въ лицѣ дружки такъ привыкли видѣть всѣ человека необыкновеннаго своими странными выход-

ками, что если бѣ посадить на его мѣсто кого-либо изъ среды гостей — тогда бы и свадьба не въ свадьбу: самозванецъ — дружка сидѣлъ бы, какъ ворона, въ перьяхъ павлина. «Собака ему дружить, а не крещеныхъ людей!» раздалось бы со всѣхъ сторонъ.

А знаете ли вы, для чего здѣсь на свадьбѣ приглашаютъ этихъ неизбѣжныхъ дружекъ? Вѣроятно, вы, какъ и многіе, думаете, что дружка на свадьбѣ долженъ сдружить на всю жизнь часто едва знакомыхъ жениха и невѣсту, поселить между ними любовь и согласіе съ перваго дня свадьбы и на всю жизнь? Если вы такъ думаете, вы въ половину угадали. Главное же, за что приглашаютъ, поятъ, кормятъ и дарятъ дружекъ, что онъ, дружка, защита, оборона всего свадебнаго поѣзда отъ *порчельниковъ* (1).

Свадебный поѣздъ въ церковь, или изъ церкви, это великое дѣло въ общемъ составѣ свадьбы Дружка предъ поѣздомъ скученъ, недовѣрчивъ, онъ какъ-будто не надѣется на себя, на свое умѣнье; поѣздъ счастливо конченъ и дружка торжествуетъ. Что же это за опасный поѣздъ? спросите вы. Да, этотъ поѣздъ опасенъ какъ для всѣхъ вообще, такъ и для дружки въ особенности. Объяснюсь.

Въ околodкѣ чуть только заслышатъ про свадьбу, тотчасъ пойдутъ разговоры, разспросы: кто будетъ на свадьбѣ дружкой. Стариковъ-знахарей много, — всѣхъ не позовешь, выбирать трудно: одного позовешь — другой сердится: зачѣмъ не его позвалъ, а другаго. Дружка, приглашенный на свадьбу, это заклятый врагъ, тѣлъ насмѣшекъ, обидъ всѣхъ стариковъ-знахарей, живущихъ съ нимъ въ одномъ околodкѣ и имѣющихъ претензіи на первенство на свадьбѣ.

(20) *Порчельникъ*, нач. порча, человекъ норташій другихъ словами или наговорами, пускаемыми по воздуху, причиняющий зло другимъ. А. Х.

Завтра свадьба. Вечеромъ, наканунѣ этого дня, собирается челоѣвка дватри знахарей на совѣтъ: наобно завтра, общими силами, уничтожить, пристыдить дружку, если можно, превратить его и свадебный поѣздъ въ черныхъ вороновъ, или сѣрыхъ волковъ. Для исполненія этого заговора, въ числѣ заговорщиковъ долженъ быть такой, который бы знаніями своими въ этомъ дѣлѣ превосходилъ самого дружку; въ противномъ случаѣ вся бѣда падетъ на заговорщиковъ: они или виѣями пополавутъ въ валежники, или тутъ же, на мѣстѣ, будутъ убиты воздушнымъ гнѣвомъ дружки.

Одинъ изъ среды заговорщиковъ торжественнымъ образомъ осмѣялъ способности дружки.

«Да что онъ мнѣ? Я его однимъ словомъ въ рукавицуажму, пойдемъ завтра, братаны, стеречь поѣздъ; какъ поѣдутъ, кто чему гораздъ, тотъ то и смѣкай: опомнятся, неразумные, выставятъ намъ на брата по велру водки, а безъ того хоть вѣкъ волкомъ рыскай!»

Общество лютыхъ чернокижниковъ расходится и каждый изъ нихъ думаетъ о завтрашнемъ днѣ со страхомъ и трепетомъ: ни кто не надѣется на свои силы, никто не хочетъ, въ наказаніе за обидную всему поѣзду насмѣшку, побѣждать въ лѣсъ волкомъ; всякій боится умѣнья приглашеннаго дружки, хотя въ общемъ застѣданіи и однимъ словомъ, пущеннымъ по вѣтру, гнули его въ рукавицу.

Должно упомянуть, что всѣ эти порчи свадебъ живутъ въ памяти народа не болѣе, какъ «преданья старины глубокой». Поговариваютъ крестьяне, что если гдѣ-либо и сохранились эги, когда-то гремѣвшіе знаменитостью, — порчельники, то это въ Мезенскомъ-Уездѣ, а отнюдь не здѣсь.

Порчельники, въ ожиданіи свадебнаго поѣзда, сидятъ спрятавшись въ зародахъ сѣна, или въ кустахъ, въ сторонѣ отъ дороги.

Едва показался ожидаемый поѣздъ, тотчасъ они начинаютъ шептать таин-
т. LVII. — Отд. VIII.

ственные слова (21), которыми прѣять подвластныхъ имъ духовъ остановить поѣздъ. По произнесеніи этихъ словъ, лошади шарашутся, упираются и, понуждаемые мужиками, падаютъ безъ движенія. Если дружка, приглашенный провожать поѣздъ, до такой степени знающъ, что можетъ властію своею уничтожить заговоръ недруговъ, онъ спѣшитъ исполнить это; заговорщики же, по произнесеніи таинственныхъ наговоровъ, спѣшатъ какъ можно-скорѣе удалиться со стараго мѣста и оставляютъ тамъ, вмѣсто себя, свое платье: армякъ, шапку, не забывъ наговорить на оставленные вещи таинственныхъ слова.

Раздраженный дружка посылаетъ свой гнѣвъ по воздуху на возмутителей порядка въ поѣздѣ, и шапки, армяки, которые порчельники оставили вмѣсто себя на мѣстѣ своей старой залои, вихремъ крутятся въ воздухѣ и летятъ по вѣтру клочками. Если порчельники были такъ неосторожны, что не оставили на старыхъ мѣстахъ своихъ этихъ вещей, или и вовсе не перемѣнили мѣста, то съ ними бываетъ то же самое, что съ шапками ихъ.

Между-тѣмъ, шутки колдуновъ отчасу становятся занимательнѣе: обиженные порчельники пескомъ и пылью засыпаютъ глаза всѣхъ, участвующихъ въ поѣздѣ, и продолжаютъ перемѣнять мѣста; дружка мститъ ихнему лопотью; наконецъ, когда онъ уже не въ-состояніи противиться соединенной силѣ трехъ колдуновъ, онъ спѣшитъ послать къ нимъ по воздуху вѣсть мира. Сповойствіе возстанов-

(21) При всемъ желаніи моемъ достать эти наговоры, я не могъ успѣть въ этомъ: въ нѣкоторыхъ травепикахъ встрѣчалъ я какія-то безсмысленныя слова, въ родѣ тѣхъ, которыми наши шарлатаны сопровождаютъ свои фокусы: фокусъ, покусъ, пени, вени, вола и пр.; быть-можетъ, это тѣ самые наговоры, которые составляли колдуны посылали одинъ на другаго.

ляется и торжествующая, полуобнаженная засада лютыхъ чернокипжниковъ, съ лицами, ободранными о сучья, выходить за получениемъ известной контрибуціи: по ведру водки на брата. Если черезъ-чуръ обиженные ворчельники не пожелаютъ смириться, то свадебный поѣздъ съ рыми волками разбѣгается по лѣсамъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ о послѣднихъ минутахъ деревенскаго мага.

Умиравшій колдунъ, знахарь, приказавъ окружающимъ не держать тѣла его на поверхности земли долѣе одного дня (22), спѣшитъ удалиться отъ себя всѣхъ, подчиненныхъ ему, духовъ, обременяя ихъ на это время какою-нибудь трудною, неисполнимою работою: принести въ закупоренной бутылкѣ въ темную горницу дневного свѣта и проч. Онъ, по какому-то тайному побужденію, чувствуетъ приближающуюся часъ кончины своей. Если же въ часъ смерти его предстанетъ предъ нимъ кто-нибудь изъ друзей, тогда умирающій начинаетъ беспокоиться и преланный и предупредительный другъ его первый разъ въ жизни начинаетъ быть ему въ тягость. Онъ, другъ его, неотступно требуетъ отъ умирающаго другаго повелителя: ты погинешь, говорить онъ ему, а мы куда безъ тебя? Отдай насъ кому-нибудь, кто бы такъ же, какъ и ты, не давалъ намъ шататься безъ дѣла; мы будемъ служить ему такъ же вѣрно, какъ и тебѣ служили, а безъ дѣла намъ жить не приволится. Нетерпѣливый другъ заставитъ умирающаго потерпѣть нѣсколько судорогъ и снова, съ обязательнымъ смѣхомъ, слышнымъ одному колдуну, спрашиваетъ: что жъ, будетъ ли смѣна?

Бѣдный колдунъ въ правѣ передать легіоны слугъ своихъ только ближайшему изъ родныхъ; онъ въ правѣ слѣловать это безъ вѣдома того, кого хочетъ одолжить друзьями-прислужниками;

но захочетъ ли онъ, въ послѣдній часъ жизни своей, опутывать кровного своего тою страшною сѣтью, изъ которой невозможно выпутаться, кто хотя разъ самъ запутался въ ней, или былъ опутанъ другими.

Неотступный представитель сонма духовъ - прислужниковъ снова равнуетъ подкожные жилы умирающаго, и тотъ, заставляя, повелѣетъ его въ лѣсъ. Пришли. Колдунъ сзываетъ всѣхъ служащихъ ему духовъ и, обращаясь къ первому домовому съ причтомъ, говорить: «дядя домовый, спасибо тебѣ за службу; садись, пользай въ сердцевику этой палки». Домовой исполнитъ въ точности приказаніе; колдунъ втыкаетъ гладкій, остроганный посошокъ въ землю близъ дороги и говоритъ: кто первый коснется палки этой, тому служи такъ же, какъ и мы служили; будь при жизни его казакомъ; по смерти онъ будетъ твоимъ. Сказано, сдѣлано: домовый силитъ въ сердцевику посошка до-гѣхъ-поръ, пока какой-нибудь прохожій не возьметъ посоха, и тогда ватаги духовъ внезапно являются къ изумленному и никакая сила не въ состояніи отогнать домового отъ новаго знакома. Точно также поступаетъ онъ и съ прочими слугами своими. Пристронувъ всѣхъ ихъ подобнымъ образомъ, колдунъ умираетъ покойно.

Въ заключеніе статьи напишу нѣсколько здѣшнихъ повѣрій.

Крестьянинъ, желающій узнать, будетъ ли живъ больной, кладетъ ему между ножныхъ пальцевъ кусокъ хлѣба; чрезъ нѣсколько времени вынимаетъ онъ положенный кусокъ и бросаетъ собацѣ: если она съѣстъ этотъ кусокъ — больной встанетъ, «другомъ — да въ гробъ!»

Крестьяне — мнительные мужья, нашли средство испытывать вѣрность женъ своихъ, спрашивая ихъ же самихъ объ этомъ. Средство это состоитъ вотъ въ чемъ: нужно найти траву, которую здѣшніе знахари называютъ «расна, растетъ кустиками», маленька, сипенька по землѣ разстилаетъ

(22) См. въ этой же статьѣ описаніе ермика.

ся, «нашедши этой травы, нужно положить стебель ея женѣ въ головы и — секретъ открыть: мужикъ или обрадованъ или взбѣшенъ: «она все скажетъ: что бывало и съ кѣмъ жила и что на тебя мыслить, а положи непросто (23).»

Если куры почему-либо не кладутъ яицъ, опытная хозяйка-обрядиха курить на шесткѣ хлѣбными отрубями (мучными), посыпая на нихъ по временамъ золы. Говорятъ, что куры, напихавшись этого курева, начинаютъ нестись.

Прежде нежели начнетъ мужикъ, при постройкѣ дома, класть основныя бревна, онъ вакапываетъ въ землю, противъ того мѣста, гдѣ будетъ *кутиз* (большой уголъ), нѣсколько денегъ и ячменныхъ зеренъ, вѣроятно для того, чтобъ въ новопостроенномъ домѣ не переводились деньги и хлѣбъ; за тѣмъ приноситъ пѣтуха: если онъ пропоетъ на новосельѣ — счастье, въ противномъ случаѣ — горе. Нужно прибавить, что здѣсь не имѣютъ обыкновенія, по какимъ-то предубѣжденіямъ, начинать постройку избы въ ущербѣ мѣсяца.

А Харитоновъ.

17 декабря 1847 года.

Архангельскъ.

(23) Здѣсь помѣщены загадочныя буквы, которыми кончается статейка. Повѣрѣе это выписано мною изъ «травенника», писаннаго однимъ крестьяниномъ въ прошломъ столѣтіи.

А. Х.

ОТВѢТЪ Г-НУ А...У НА ЕГО ОТЗЫВЪ «О РѢЧИ ПРОФЕССОРА ГОФМАНА, ПО СЛУЧАЮ ИЗДАННОЙ ИМЪ КНИГИ: «ДОНАТЪ» (*)».

Въ отчетѣ Московскаго Университета за 1841 годъ помѣщена рѣчь профессора Гофмана: «De Graeca tragoedia in sacris ponenda». Здѣсь не мѣсто говорить о достоинствѣ этой рѣчи. Она, какъ и все написанное на латинскомъ языкѣ, болѣе-и-болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что писать на древнемъ языкѣ о какомъ-либо предметѣ, согласно съ современнымъ воззрѣніемъ, не только бесполезно, но и невозможно. Причина такой невозможности лежитъ въ самомъ значеніи языка, какъ выраженія степени развитія народа. Разсужденіе, писанное на древнемъ языкѣ, неизмѣнно должно быть ниже современнаго воззрѣнія: въ противномъ случаѣ, форма не выразила бы содержания. Справедливость нашего мнѣнія доказывается тою трудностью, которая встрѣчается насъ всегда, когда на древнемъ языкѣ стараемся мы выразить понятіе современное. Эту трудность безъ сомнѣнія встрѣчалъ и г. Гофманъ. Борьба между мыслью и выраженіемъ этой мысли слишкомъ важна въ его рѣчи: часто мысль кажется какъ-бы недосказанною; часто

(*)Редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» получалъ эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. Занимаясь преподаваніемъ латинскаго языка во Второй Московской Гимназіи, я руководствуюсь въ своихъ классахъ «Донатомъ». Уже одна цѣль автора — замѣнить безсвязное заучиванье грамматическихъ формъ разумнымъ, систематическимъ изученіемъ языка, заслуживаетъ полной признательности. Въ 3-мъ номерѣ «Москвитинна» явилась статья, которой авторъ старается уничтожить всякое довѣріе къ книгѣ г. Гофмана. На эту статью я счелъ себя почти обязаннымъ написать отвѣтъ, который прошу васъ, м. г., помѣстить въ вашемъ журналѣ. Пишу честь и пр.»